

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от

30 НОЯ 1950

Москва

Газета №

А. СУРОВ

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

К 50-летию Н. Ф. Погодина

Для моего поколения жизнь начиналась в тридцатые годы, когда советские люди стали мять историю пятилетками. В нашей памяти само слово «пятилетка» накрепко связано с теми новыми, иногда угловатыми, но живыми образами, которые принес на сцену советского театра такой же, как его герои, беспокойный, неумный журналист, ставший любимым нашим драматургом, — Николай Погодин.

Сейчас не так-то просто вспомнить подробности первых погодинских спектаклей, поставленных двадцать лет назад. Но стоит назвать любой из них — «Темп», «Поэма о тополе», «Мой друг» — и ты снова дышишь горячим воздухом этих спектаклей. Кажется, что даже декорации в этих постановках остро пахли свежими красками — теми же, которыми были окрашены только что отстроенные пехи заводов-гигантов первой сталинской пятилетки. Кажется, что и люди-то выходили на сцену не из театральных кулис, а прямо со строительных площадок.

Не помню, какой актер играл в Вологде в 1930 году Ермолая Лаптева в «Темпе». Откровенно говоря, мне кажется, что это был вовсе не актер. Вышел на сцену мужик-строитель, покрытый цементной пылью. Он был совсем не похож на нынешних строителей — этот мужичок в сермяге. Но в глазах его горела та же гордость создателя, творца нового, какую увидишь сейчас во взорах виртуозов-верхолазов, сваривающих стальные конструкции верхнего этажа Московского университета.

Вышел костромской сезонник Ермолай на сцену и завел со своими земляками речь о темпах строительства. Правда, он не понимал еще, что значит слово «темп», и слово «пафос» тоже было ему совершенно непонятно. Но вот речь зашла о том, что, по вычислениям неких ученых-специалистов, темп отечественного каменного строительства измеряется коэффициентом 60, немецкого — 100, а вот американский инженер требовал от строителей коэффициента 120. Тут-то и развернулась во всю ширь богатейшая натура советского человека. 150! — такой темп в строительстве предложил костромич, вы-

звая померяться силами, уменьем, рабочей хваткой надменную Америку!

Так на советскую сцену шагнули герои первой пятилетки. Так в советскую драматургию пришел правдист Николай Погодин.

Что же было самым характерным в творчестве Погодина тех дней?

В драматургию вступил современник — с горячим сердцем, неутомимым желанием строить новое, бороться за него. Потому так близок и дорог стал Погодин советскому зрителю, что был ему в полном и точном смысле слова современником, жил одними с ним интересами, одной верой в светлое будущее своей Родины.

После пьес о строителях появились погодинские пьесы о колхозниках, об интеллигенции, о партийных работниках. Многие стороны советской жизни стремился воплотить в драматических образах Н. Ф. Погодин. Уверенно шагая по этому пути, он пришел к самым большим образам современности — образам гениальных вождей советского народа Ленина и Сталина.

Когда в спектакле «Человек с ружьем» впервые вышел на сцену Б. В. Шукин в гриме Ильича, все зрители встали. Оvation потрясла стены вахтанговского театра. Это было торжество актера, но это было и торжество драматурга. Много с тех пор написано пьес о Ленине и Сталине. Но Н. Погодину принадлежит честь первого творческого дерзания.

За 20 лет работы в театре Погодин написал много пьес. Он знает, что такое победа и что такое неудача. В том, что за два десятка лет Н. Погодин не оказался в плену холодного профессионализма, не научился писать вполне багополучные, но никого не волнующие пьески, и заключается его самая привлекательная черта. Он и теперь такой же неумный, неожиданный, каким вышел впервые на сцену в обнимку со своим Ермолаем Лаптевым. У него горячее сердце. И потому мы знаем — его ждут еще многие новые победы. Гражданин своей страны, поэт своего времени, Погодин всегда будет шагать в ногу со своими славными современниками, строителями коммунизма — всеобщего счастья на земле.